

Жизни вибрирует тонкая нить

От прикосновения к творчеству Владимира Спектора у меня всегда возникает ощущение словесной лёгкости и изящности, будь то поэтические строки, статьи, интервью или прозаические откровения. Каждый раз слова выстраиваются в чистую, прозрачную конструкцию, даже при умышленном намерении автора иногда придать им тяжеловесность и некую «жесткость». Но я понимаю, что за всей этой кажущейся лёгкостью и открытостью — щемлящая глубина, свой особый, тщательно охраняемый мир.

«Есть ещё для счастья время», — так называется новая книга Владимира Давыдовича. Я всегда восхищалась его способностью давать ёмкие и запоминающиеся названия, вызывающие любопытство: что там, под этой обложкой? Так и теперь: ещё только открываешь книгу, а уже появляется предчувствие чего-то хорошего и тревожного одновременно, и какая-то убежденность в том, что доброго больше.

В душе — мерцающий, незримый свет,
Он с лёгкостью пронзает стены.
Взгляни вокруг: преград, как будто, нет.
Но как тревожны перемены.
И нам с тобой —
вдоль перемен маршрут,
Пока горит огонь, мерцающая.

Эта книга — своеобразный жизненный отчёт. Небольшие по объёму стихотворения (8-12 строк) при всей своей «негромкости» и неспешной размеренности несут глубокий эмоциональный посыл: они ис-

кренны, насыщены событиями, пропитаны духом времени. От раздела к разделу, от произведения к произведению мы шагаем от времени, что «называлось "Детство"» во взрослую жизнь — разную, не всегда добрую, но благодаря мироощущению автора всегда дарящую свет надежды. «И летит среди прочих миров / Мой, ничтожный, прекрасный, родной...».

Ностальгические картинки детства и юности: прогулки с любимым дедом, тепло родительского дома, всепоглощающее занятие — чтение книг, дворовые футбольные матчи, первые радости и разочарования — времена, когда «счастьем было просто ощущение, что осталось больше, чем прошло», сменяются более жёстким и сдержанным настроением:

Уходит время бескорыстных песен,
Всё реже слышно:
«Друг, товарищ, брат»...

Но несмотря ни на что, в любой ситуации, вопреки всему, кредо автора — всегда оставаться человеком. За каждым словом, наряду с присущей Владимиру Давыдовичу добротой и всепониманием, твёрдая человеческая и гражданская позиция: «Сделать... Успеть, Дотерпеть, Не сорваться... Выжить, Найти, Не забыть, Не предать...».

Вот так и живётся «в контексте событий», изредка открывая дверь в «комнату воспоминаний», иногда «дыша как в последний раз», «взлетая и падая снова», «привыкая к возрасту потерь»...

И безумно не хватает «в судьбе безмя-

тежности» и «лёгкой детскости». И вечный бег за «призраком счастья».

Другая жизнь, хорошая, плохая,
В которой по соседству — зло с добром.

И «удар за ударом». Но спасают близкие, родные люди, верные друзья, надёжность домашнего очага, горячо любимый Луганск.

И казалось, что жизнь расписана на десятилетия вперёд: любимое дело, семья, дети, внуки. Но вдруг!

Я, к сожаленью, видел это —
Плевков ракетный, роковой...
И стало океанным лето,
А тень войны над головой...

Война! Среди мирной жизни! Нелепость, не укладывающаяся ни в какие рамки разумного. Деление на своих и чужих, и «страна, где так быстро привыкли к плохому», и боль от разрухи, разрухи в душах и головах, и боль от расставания с родным городом.

И, обнимая в душе, понимаю:
Таёт слезинкой дорога назад...
Где ты, Луганск-Ворошиловград?

В жизни каждого наступает время подведения итогов, извлечения из дальних уголков памяти всего, что складывалось туда годами. Обозначенное некогда пунктиром обретает насыщенность впечатлениями, ощущениями, сомнениями — всем тем, что пережито и, казалось, забыто.

Прозаическая часть книги — не просто воспоминания о детстве, о школьных годах, о любимом поэте-земляке Михаиле Матусовском, о крепкой мужской дружбе со школьной скамьи, не просто статьи, воспоминания, размышления — это история. Не только история жизни писателя и публициста Владимира Спектора, а история целой эпохи, изложенная с трогательной точностью к деталям, бережно, с любовью — с любовью к жизни и к людям.

Стараюсь не делать зла.
И не обижаться на зло.
А спросят: «Ну, как дела?» —
«Жизнь — моё ремесло!»...

Если на книжной полке выстроить книги Владимира Спектора, а их больше двадцати, то из названий на корешках можно составить небольшое повествование. Хочу завершить сказанное выше пожеланием, составленным таким образом:

«Я надеюсь», что «Всё будет хорошо» и «В дыхании пространства» будет достоянием «Степень свободы». А в свете «Времени предпоследних новостей» — «Прямо по курсу жизнь» с «Ожиданием чуда». И самое главное — «Для счастья всегда есть время!» Удачи, радости творчества, новых произведений и книг!

Наталья МАВРОДИ
сопредседатель Межрегионального
союза писателей,
шеф-редактор альманаха
и сайта «Свой вариант»

Владимир СПЕКТОР

Есть ещё для счастья время

***
Нет ни зависти, ни злости,
Ни злорадства, ни вражды...
Вперемешку на погосте —
Москаля, хохлы, жида

Годы мчатся, как в насмешку.
Вновь друг другу не милы
Те, кто гибнет вперемешку —
Москаля, хохлы, жида

Не поймут, в чём виноваты,
Память множа на нули,
Не узнав в прицеле брата,
Хохло-жидо-москаля.

***
Всё уже не может быть, как прежде.
Смолкли прошлой жизни голоса.
Взорванной, расстрелянной надежде
Выпала дорога в небеса.

«До» и «После» — страхи и тревоги,
Как у деда, позже — у отца...
Тень войны — у самого порога.
Тень беды — с начала — до конца.

***
Добро и зло меняются местами.
Не разобрать, кто прав, кто виноват...
Из ненависти облако над нами,
Из облака — не дождь на ниву — ГРАД.
Откуда эти бешенство и злоба?
И гибельный безжалостный сквозняк?
Толпятся, забывая крышку гроба,
Добро и зло, и бывший другом враг.

***
«Миру — мир» заменили
на «Смерть врагам»,
И врагов стало пруд-пруди...
Говорят — поклонялись не тем богам,
Потому и кипит в груди
Ярость, будто из моря вражды волна,

Человечий смывая лик.
Несвященная губит страну война,
Все слова заменив на крик.

***
Что это? Горьких вишен
В этом году так много.
Что-то в моих деревьях
Сладость пошла на убыль.
Горечь дождей осенних
Въелась в судьбу, в дорогу.
И пропитала землю,
И перешла на губы...

***
Нет времени объятья раскрывать,
И — уклоняться некогда от них.
И в спешке пропадает благодать,
Чужих не отличая от своих.

Нет времени сравнить добро и зло,
Не забывая в муках о добре...
От «было» до «проходит» и «прошло» —
Нет времени. Нет времени. Нет вре...

***
Лежит судьба, как общая тетрадь,
Где среди точек пляшут запятые,
Где строки то прямые, то косые,
И где ошибок мне не сосчитать.

Бежит строка в дорожной суете,
И я, как Бог, за всё, что в ней, — в ответе.
А в небесах рисует строки ветер.
Он в творчестве всегда на высоте.

А у меня сквозь низменность страстей,
Невольную печаль воспоминаний
Таранит, разбивая жизнь на грани,
Строка любви, парящая над ней.

***
На рубеже весны и лета,
Когда прозрачны вечера,

Когда каштаны — как ракеты,
А жизнь внезапна, как игра,

Случайный дождь сквозь птичий гомон
Стреляет каплею в висок...
И счастье гложет, как Бетховен,
И жизнь, как дождь, — наискосок.

***
Я не знаю, за что и как,
Я не знаю, зачем и где.
Но сияет небесный знак,
Отражаясь в земной воде.

И летит среди прочих миров
Мой, ничтожный, прекрасный, родной.
И скрепляется кровью кров,
И вопрос, как крыло за спиной.

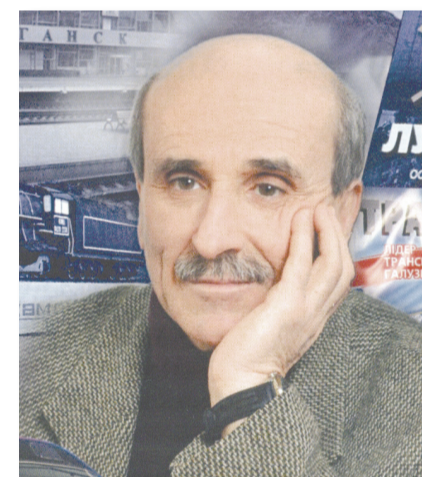
***
Какою мерою измерить
Всё, что сбылось и не сбылось,
Приобретения и потери,
Судьбу, пронзенную насквозь

Желаньем счастья и свободы,
Любви познаю и добра?..
О Боже, за спиной — годы,
И от «сегодня» до «вчера»,

Как от зарплаты до расплаты —
Мгновений честные гроши.
Мгновений, трепетом объятых,
Впитавших ткань моей души.

А в ней — доставшийся в наследство
Набросок моего пути...
Цель не оправдывает средства,
Но помогает их найти.

***
Запах «Красной Москвы» —
Середина двадцатого века.
Время — после войны.
Время движется только вперёд.

На углу возле рынка —
С весёлым баяном калека,
Он танцует без ног,
Он без голоса песни поёт.

Это — в памяти всё у меня,
У всего поколенья.
Мы друг друга в толпе
Мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
Мелькает незваной тенью.
И по запаху «Красной Москвы»
В подсознание своём...

***
Мой дед здороваться любил
И вслух читать газеты.
Читал, покуда было сил,
Про жизнь на белом свете.

С машиной швейной был в ладу
И с нашей старой печкой.
А вот в пятнадцатом году —
Стрелял под Берестечком.

«Прицел такой-то...
Трубка... Пли!..» —
Рассказывал он внукам.
В работу верил. Не в рубли.
И уважал науку.

Моим пятёркам был он рад.
Предсказывал победы.
Хотел, чтоб был я дипломат...
А я похож на деда.